21 декабря 1912 года исполнилось 40-лѣтіе ученой дѣятельности покойнаго.

Смерть Л. Н. Загурскаго, который вчера долженъ былъ экзаменовать студентовъ по догмѣ римскаго права, произвела въ университетѣ глубокое впечатлѣніе. Немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ маститаго профессора на дверяхъ аудиторій, курилки, были вывѣшены объявленія съ приглашеніемъ жертвовать на вѣнокъ покойному. Была собрана довольно большая сумма.

И. о. декана юридическаго факультета, проф. В. М. Гордонъ, у котораго должны быть практическія занятія по гражданскому праву, объявилъ собравшимся слушателямъ о кончинѣ Л. Н. Загурскаго, произнесъ краткое слово и предложилъ почтить память скончавшагося вставаніемъ. Практическія занятія были отмѣнены проф. В. М. Гордономъ, который, какъ и. о. декана, пригласилъ немедленно для производства экзамена по догмѣ вмѣсто покойнаго Л. Н. Загурскаго проф. В. В. Попова и прив.-доц. В. И. Синайскаго.

Квартиру покойнаго посѣтилъ и. о. ректора Н. В. Петушкій и профессора юридическаго факультета, выразившіе семьѣ Л. Н. Загурскаго соболѣзнованіе. Сегодня въ 12 час. дня панихида въ университетской церкви. Занятія будутъ продолжаться до 11½ час. дня. Похороны—15 марта. Въ этотъ день занятій на юридическомъ факультетѣ, по распоряженію и. о. декана, проф. В. М. Гордона, не будетъ.

◆

Памяти профессора.

Съ кончиной профессора Леонтія Николаевича Загурскаго университетъ потерялъ крупную силу, а общество, въ тѣсномъ смыслѣ—харьковцы, потеряли большого, оригинальнаго и самобытнаго человѣка.

Не пытаясь выяснить вполнѣ глубину научнаго авторитета покойнаго Л. Н., позволю себѣ привести лишь небольшой штрихъ: ссылки на ученые труды Л. Н. Загурскаго можно встрѣтить въ сочиненіяхъ не только русскихъ, но и заграничныхъ романистовъ и цивилистовъ. А извѣстно, что заграничные ученые не особенно тароваты на признаніе существенныхъ научныхъ заслугъ за своими «восточными коллегами».

Оригинальность и самобытность—слишкомъ рѣдки въ наше время расплывчатости, гибкости и эластичности. У покойнаго эти двѣ цѣнныя черты характера достигали столь крайнихъ предѣловъ своего выраженія, что для многихъ характеръ, привычки и требованія Л. Н. были весьма часто и непонятны.

Но никто и никогда не могъ-бы смѣшать подлинной оригинальности покойнаго съ искусственнымъ и нарочитымъ оригинальничаніемъ.

И ясно было для всѣхъ, что суженіе, въ силу какихъ-бы то ни было причинъ, самобытности въ Л. Н. было-бы равносильно для него не только духовной, но и органической смерти.

Самобытность—неразмѣнна, ибо она—тотъ драгоцѣннѣйшій перлъ, который распыляется и исчезаетъ при всякой попыткѣ его дробленія.

Неразмѣнна и личность того, кто обладаетъ этимъ драгоцѣннѣйшимъ перломъ.

И потому о кончинѣ Л. Н. искренне пожалѣетъ не только тотъ, кто, подобно пишущему эти строки, зналъ покойнаго, какъ профессора, какъ своего учителя. Пожалѣетъ всякій, кто когда-либо искалъ или хотѣлъ найти среди подобныхъ себѣ человѣка настоящаго, неразмѣннаго и прямого.

Есть артисты, художники старой школы, дорогіе намъ именно тѣмъ, что они, быть можетъ, уже послѣдніе, являются среди насъ свѣтильниками старыхъ традицій, старыхъ идеаловъ искусства чистаго, высокаго и безспорнаго.

Ихъ старый закалъ—неугасающее и немеркнущее пламя таланта—дорогъ намъ именно невозможностью для него приспособленія къ новому, всегда условному, знающему только свое сегодня, но не имѣющему ни завтра, ни вчера.

Покойный Л. Н. былъ профессоръ старой школы, стараго закала. Мѣнялись условія академической жизни, мѣнялся самый характеръ высшей школы, ея традиціи, ея составъ—Л. Н. оставался неизмѣнно такимъ профессоромъ, какимъ его знали болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, въ годы начала его профессорскаго служенія.

Оставался строгимъ и стойкимъ служителемъ науки. Чистымъ ученымъ, научное слово котораго не могло терпѣть ни одной буквы чего-либо отвлеченнаго.

Войдя въ университетъ, Л. Н. принялъ схиму науки.

И никогда не дерзалъ приближать къ ней что-либо мірское.

Именно—не дерзалъ.

Ибо дерзновеннымъ, въ его представленіи, было все, что могло коснуться науки, не исходя изъ нея, и что поэтому одному должно было быть ей чуждымъ, и чье прикосновеніе къ ней—единой *науки*—нечистымъ.

Обладавшій исключительной уравновѣшенностью ученаго, Л. Н. З. не былъ, однако, чуждъ волненіямъ гражданина.

Но посмотрите, какъ любопытно сочетались въ покойномъ ученый, какъ жрецъ чистой и гордой науки, и гражданинъ, съ глубокимъ интересомъ воспринимающій всѣ переживанія его современниковъ и плакавшій слезами своей родины.

Умеръ С. А. Муромцевъ.

Л. Н., взойдя на каѳедру, сказалъ рѣчь о покойномъ Муромцевѣ, какъ о профессорѣ, о цивилистѣ, и сказалъ такъ, что даже внѣ вопроса о политической дѣятельности Муромцева слушателямъ ясна стала понесенная Россіей *большая утрата*.

Умеръ Толстой.

Толстой—анархистъ и... догма римскаго права—этотъ продуктъ многовѣкового *государственнаго* творчества великаго народа, создателя *правовыхъ* нормъ, самой системы права.

Что, казалось-бы, общаго?

Но Л. Н. Загурскій, вновь отказавшись отъ очередной лекціи, проанализировалъ ученіе Толстого именно сквозь призму правовыхъ ученій древняго римлянина, его понятій о государствѣ, семьѣ и собственности.

И эта лекція была строго научной. Ничто мірское не прикасалось къ ней.

Лекція—не частная бесѣда,—чего, помнится, не сдѣлалъ или не сдѣлалъ безнаказанно ни одинъ изъ профессоровъ русскихъ университетовъ.

Не могъ терпѣть, чтобы наука уступала въ чемъ-либо политикѣ. Въ какихъ-бы то ни было проявленіяхъ. И только по настояніямъ Л. Н., въ бытность его деканомъ, факультетъ трижды выдвигалъ кандидатуру нѣсколькихъ лицъ въ профессорскіе стипендіаты, въ то время, какъ губернаторы дважды отказывали въ удостовѣреніи ихъ благонадежности.

И факультетъ побѣждалъ губернаторовъ.

Интересы науки восторжествовали надъ «посторонними ей соображеніями».

И деканъ—профессоръ Загурскій—искренне этимъ гордился.

До 1905 года Л. Н. Загурскій принималъ дѣятельное участіе въ административныхъ, такъ сказать, дѣлахъ университета. Былъ сначала секретаремъ, потомъ—и довольно долго—деканомъ юридическаго факультета.

Въ 1905 году уступилъ мѣсто нынѣшнему декану—проф. В. Ф. Левитскому—и совершенно отдалился отъ всякаго участія въ хозяйственныхъ и административныхъ университетскихъ дѣлахъ.

Аккуратно, минута въ минуту, несмотря ни на какую погоду, ни на какія «постороннія» обстоятельства, въ назначенный часъ появлялся на каѳедрѣ.

И, выполнивъ всѣ свои обязанности, тотчасъ-же уходилъ.

Приходилъ въ раздѣвальню, спрашивалъ у старика-служителя:

— Дмитрій, готова аудиторія?

— Такъ точно, ваше пр-во...

И никогда не спрашивалъ, есть-ли слушатели: убѣждался въ этомъ самъ. Если слушателей не было—никогда не интересовался причиной ихъ отсутствія.

Одѣвался и уходилъ.

Читалъ лекціи «при полномъ сборѣ», читалъ и одиноко сидѣвшему студенту. И никогда не интересовался, кто и почему такъ одиноко сидитъ передъ нимъ.

Сидитъ—слушатель.

Профессоръ—обязанъ читать.

И однажды, когда какой-то студентъ развязно обратился къ профессору Загурскому съ вопросомъ:

— Васъ сегодня не хотятъ слушать,—такъ можно-ли васъ просить читать лекцію только для насъ, академистовъ?

Леонтій Николаевичъ чеканнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Профессоръ Загурскій не читаетъ лекцій академистамъ. Онъ читаетъ лекціи студентамъ.

Обладалъ огромной, рѣдкой памятью. Едва-ли не наизусть зналъ всѣ древнеримскіе codex'ы. Помнилъ въ лицо всѣхъ своихъ слушателей, которые часто посѣщали его лекціи не десятками, а сотнями.

И, бывало, взглянувъ на лицо пришедшаго на экзаменъ студента, съ мѣста «убивалъ» его прошеней:

— Радъ познакомиться: профессоръ Загурскій!

Безгранично требовательный къ себѣ, былъ также требователенъ къ другимъ. Умѣлъ отдѣлять личное, человѣческое, отъ должнаго, отъ обязательства, и всякое упущеніе въ должномъ преслѣдовалъ съ безпощадностью.

Оттого про экзамены проф. Загурскаго ходили цѣлыя легенды. И не только въ университетѣ: ихъ знали даже гимназисты, готовившіеся поступить на юридическій факультетъ.

И когда у проф. Загурскаго шли экзамены—это чувствовалъ весь факультетъ.

Ибо нерѣдко эти экзамены превращались въ поголовное избіеніе младенцевъ.

Младенцевъ—отъ науки.

Покинувъ мѣсто декана, ни въ засѣданіяхъ своего факультета, ни въ совѣтскихъ засѣд. профессоровъ никогда не появлялся.

— Могутъ думать, что профессоръ Загурскій оскорбился избраніемъ другого декана,—говорилъ Л. Н.—Такъ будетъ думать тотъ, кто не знаетъ и не хочетъ знать проф. Загурскаго. Профессора—понимаете, коллега—профессора! Въ университетъ вошла политика, а профессоръ Загурскій сталъ старъ для политика. И не знаетъ ее и не можетъ уже идти съ другими, которые знаютъ ее.

Ушелъ—и, кто не знаетъ—не сотворилъ-ли блага?..

Не только какъ ученый, но и просто, какъ гражданинъ, Л. Н. Загурскій выступалъ и публично, и очень часто.

Читалъ лекціи въ пользу тѣхъ или иныхъ общественныхъ организацій.

Еще недавно прочелъ лекцію въ пользу голодающихъ.

Высоко цѣня печатное слово, нерѣдко выступалъ и въ повременной прогрессивной печати.

Былъ очень доволенъ, когда редакція относилась къ нему, какъ къ «журналисту».

И всюду, и всегда оставался вѣрнымъ себѣ: былъ строго объективенъ, точно обосновывалъ и формулировалъ всѣ свои положенія, былъ кратокъ и оригиналенъ въ аргументаціи.

Въ кончинѣ Леонтія Николаевича Загурскаго—повторяю—крупная потеря не только для университета, но и для общества.

Университетъ потерялъ прекраснаго ученаго, тонкаго знатока-романиста.

Общество потеряло большого, самобытнаго человѣка.

Да будетъ миръ праху ушедшаго!..

Н. Верховскій.

◆

Памяти дорогого учителя.

Леонтій Николаевичъ...

Незагладимо запечатлѣвшійся обра
лучшей страницы нашего прошлаго!

Память о годахъ, проведенныхъ
этихъ сѣрыхъ, торжественно-угрюмых
но дорогихъ намъ стѣнахъ, память
лучшихъ годахъ, промелькнувших
какъ сонъ,—неразрывно связана
тѣми, кто насъ оттуда напутствовалъ
жизнь.

И въ ихъ рядахъ, въ рядахъ лучш
представителей нашего университе
образъ Леонтія Николаевича, про
и въ то же время яркій, столь по
ный и близкій нашему сердцу, ст
предъ глазами у всѣхъ, какъ живо

На тяжеломъ отвѣтственномъ п
преподавателя труднѣйшей изъ д
плинъ юридическаго знанія,—
римскаго права,—Леонтій Николае
умѣлъ примирить своихъ слуша
съ тяжелой задачей и нашелъ у с
учениковъ взаимное довѣріе и по
ніе.

Темныя стороны суровыхъ вре
классицизма отошли въ прошлу
воспоминанія о своеобразныхъ че
дорогого учителя останутся свѣ
и неизгладимыми.

Всѣ мы видѣли, всѣ понимал
въ свой трудъ Леонтій Никола
вкладываетъ всю свою душу, чтоб
учить насъ мыслить съ той суров
стотой, которая такъ характер
классическихъ формъ и котора
присуща была Леонтію Николаев